

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Сказка о лягушке и богатыре

В некотором царстве, в некотором государстве жил король: у него было три сына. Раз он призвал к себе сыновей и сказал:

– Любезные дети! Вы теперь на возрасте, время вам подумать о невестах. Сделайте себе по стрелке, ступайте в заповедные луга и выстрелите в разные стороны. В какой дом попадёт чья стрела, в том и возьмёт себе невесту.

Королевичи сделали себе по стрелке, вышли в заповедные луга и выстрелили: большой брат в правую сторону, средний в левую, а меньшей, что назывался Иван-богатырь, пустил свою стрелу прямо. После того пошли они в разные стороны искать свои стрелки. Большой брат нашёл свою стрелку у министра, а середний у генерала; королевичи и поженились на их дочерях-красавицах.

□А Иван-богатырь долго не мог найти своей стрелки и был весьма печален; целые два дня ходил он по лесам и по горам, а на третий день зашёл в болото и увидел большую лягушку, которая

держала во рту пущенную им стрелу. Иван-богатырь хотел было бежать и отступить от своей находки, но лягушка закричала:

– Ква-ква, Иван-богатырь! Поди ко мне, возьми свою стрелу; не то вечно не выйдешь из болота.

Промолвив эти слова, лягушка перекувырнулась – и в ту ж минуту явилась раскрашенная беседка; Иван-богатырь вошёл в беседку.

– Я знаю, – сказала лягушка, – что ты третий день ничего не ел; не хочешь ли поесть?

Тут лягушка снова перекувырнулась – и тотчас явился стол со всяким кушаньем и напитками. Иван-богатырь сел за стол, наелся, напился.

– Слушай, – сказала ему лягушка, – стрела твоя попала ко мне, ты должен взять меня замуж; а не возьмёшь за себя – не выйдешь из этого болота!

Иван-богатырь опечалился и не знал, что делать: подумал и взял с собой лягушку и принёс её в своё государство. Братья и невестки стали над ним смеяться.

□Наступил день, в который Иван-богатырь должен был жениться; он поехал в карете, а лягушку понесли во дворец на золотом блюде. Когда настала ночь, и жених с невестой пошли в свои комнаты, лягушка сняла с себя лягушечью кожурину и сделалась красавицею, а днём опять стала лягушкой. Иван-богатырь жил с нею благополучно и счастливо. Через несколько времени приказал как-то король призвать к себе сыновей и сказал им:

– Любезные дети! Вы теперь все трое женаты; желалось бы мне износить от ваших жен, а моих невесток, по рубашке.

Дал им по куску полотна и говорил, чтобы рубашки поспели к завтраму. Большие братья принесли полотно к своим жёнам; а те стали кликать нянюшек, мамушек и сенных красных девушек, чтоб помогли им сшить по рубашке. Тотчас нянюшки их и мамушки прибежали и принялись за работу: которая кроила, которая шила.

□Меж тем послали невестки девку-чернавку посмотреть, как лягушка станет шить рубашку. И как девка-чернавка пришла к Иван-богатырю в комнаты, в то время принёс он полотно и с опечаленным видом положил его на стол.

– Что ты, Иван-богатырь, так печален? – говорила лягушка.

А он ей отвечал:

– Как мне не печалиться? Батюшка приказал из этого полотна сшить себе к завтраму рубашку.

– Не плачь, не тужи, – сказала лягушка, – ложись да засни, утро вечера мудренее, – всё будет исправно!

Схватила ножницы, изрезала всё полотно на мелкие лоскутки, потом отворила окно, бросила их на ветер и сказала:

– Буйные ветры! Разнесите лоскуточки и шейте свекору рубашку.

Девка-чернавка пошла и рассказала королевнам, что лягушка всё полотно изрезала на маленькие лоскуточки и кинула за окошко. Они смеялись над лягушкой и говорили: «Что-то завтра принесёт её муж к королю!»

□На другой день Иван-богатырь проснулся, лягушка подала ему сорочку:

– Вот, любезный Иван-богатырь, отнеси-ка эту сорочку своему батюшке.

Иван-богатырь взял сорочку и понёс к своему отцу; принесли свои сорочки и старшие братья. Сперва поднёс королю большой брат; король посмотрел и сказал:

– Эта рубашка сшита так, как обыкновенно шьют.

Посмотрел у другого сына и сказал, что и эта рубашка сшита не лучше. А как подал ему меньшей сын сорочку, то король не мог довольно надивиться: в сорочке нельзя было приметить ни одного шва, – и сказал:

– Эту рубашку подавайте мне в самые большие праздники.

□В другой раз призвал король сыновей и говорил им:

– Любезные дети! Мне хочется знать, умеют ли ваши жёны шить золотом и серебром; возьмите себе шёлку, серебра и золота, и чтобы к завтраму было сделано по ковру.

Жёны старших королевичей начали кликать нянюшек, мамушек и сенных девушек, чтоб пособили им вышивать ковры. Тотчас нянюшки, мамушки и сенные красные девушки пришли и начали вышивать ковры – кто серебром, кто золотом, а кто шёлком. Девку-чернавку опять послали посмотреть, что станет делать лягушка. Иван-богатырь принёс к себе золото, серебро и шёлк и был весьма печален. Лягушка, сидя на стуле, говорила:

– Ква-ква-ква! Что ты, Иван-богатырь, так запечалился?

– Как мне не печалиться? – отвечал он. – Батюшка велел к завтраму вышить из этого серебра, золота и шёлку ковёр.

– Не плачь и не тужи, – сказала лягушка, – ложись-ка спать, утро вечера мудренее!

А сама взяла ножницы, весь шёлк изрезала, серебро и золото изорвала, бросила за окошко и сказал:

– Буйные ветры! Принесите тот ковёр, которым мой батюшка окошки закрывал.

Невестки, выслушав всё это от девки-чернавки, вздумали и сами так сделать. Долго ожидали они, но, видя, что ветры ковров им не приносят, послали купить серебра, золота и шёлку и стали вышивать ковры по-прежнему.

□Поутру, как только встал Иван-богатырь, лягушка подала ему ковёр. Вот все три брата принесли свои ковры к отцу; он взял прежде от старшего, посмотрел и промолвил:

– Этот ковёр годится от дождя лошадей покрывать.

Посмотрел у среднего и сказал:

– Этот ковёр можно в передней комнате постилать, чтоб обтирали об него ноги.

Потом принял ковёр от меньшого сына, вздивовался и сказал:

– А этот ковёр в самые торжественные дни постилать ко мне на стол.

Ковёр Иван-богатыря приказано спрятать и беречь, а другим сыновьям отдал король ковры назад.

– Отнесите их, – сказал король, – к своим жёнам и скажите, чтоб берегли для себя!

□В третий раз говорил король своим сыновьям:

– Теперь, любезные дети, хочу я иметь по хлебу, испечённому руками ваших жён.

Как услышали о том от своих мужей королевны, они тотчас послали девку-чернавку посмотреть, как будет делать лягушка. В то время Иван-богатырь пришёл в свои комнаты весьма печален.

– Ква-ква-ква! Что ты запечалился? – спросила его лягушка.

– Как мне не печалиться? Батюшка приказал, чтоб ты испекла хлеб.

– Не плачь, не тужи, всё сделаю! – и велела принести квашню, муки и воды; всыпала муку в квашную, влила воду, растворила раствор, вылила в холодную печь, и заслонила заслонкой, и сказала:

– Испекись, хлеб, чист, рыхл и бел, как снег!

Девка-чернавка воротилась к невесткам и сказала: «Не знаю, за что король так хвалит лягушку; она ничего не умеет делать!» Выслушав всё, невестки вздумали и сами так же сделать, как лягушка, растворили муку на холодной воде и вылили в холодные

печи; но, видя, что растворы их расплылись, они приказали принести ещё муки, замесили свои хлебы на горячей воде и посадили в топлённые печи. Они боялись не поспеть и так спешили, что у одной хлеб пригорел, а у другой вышел совсем сырой; лягушка же вынула свой хлеб из печи и чист, и рыхл, и бел, как снег.

□Пришли братья к отцу и принесли свои хлебы. Король принял от большого сына хлеб, посмотрел и сказал:

– Такой хлеб можно есть только от нужды!

Принял от среднего сына и промолвил:

– Этот хлеб не лучше!

Потом взял от меньшого сына и велел, чтобы этот хлеб подавали ему за стол, когда будут у него гости.

– Любезные дети! – продолжал король. – Жёны ваши сделали для меня всё, что я приказывал, и потому прошу вас вместе с жёнами приехать завтра во дворец на обед.

Королевичи пошли к жёнам.

□Иван-богатырь очень печалился и думал: «Как повезу я с собой лягушку?» А лягушка, сидя на стуле, спрашивает:

– Ква-ква-ква! О чём, Иван-богатырь, ты так запечалился?

Иван-богатырь отвечал:

– Как мне не печалиться? Батюшка приказал всем нам завтрашний день приехать к нему во дворец с жёнами; как я тебя повезу?

– Не плачь, не тужи, – сказала лягушка, – утро вечера мудренее, ложись да спи!

□На другой день Иван-богатырь собрался и поехал во дворец; а невестки послали опять девку-чернавку смотреть, в чём поедет лягушка. В то время лягушка открыла окно и кликнула громким

голосом:

– Ох вы, буйные ветры! Полетите в моё государство и скажите, чтоб приехала богатая карета со всем прибором, с лакеями, гайдуками, скороходами и вершниками.

После того она хлопнула окошком и села на стул. Все уж съехались во дворец, дожидались только лягушки – и вдруг увидели, что бегут скороходы, скачут вершники^[1] и едет пребогатая карета. Король подумал, что едет к нему какой-нибудь иной король или королевич, и пошёл встречать.

– Не трудитесь, батюшка! – говорит Иван-богатырь. – Это, знать, моя лягушонка тащится в коробчонке.

□Подъехала карета, и вышла из неё жена Иван-богатыря такую красавицей, что все дивиться стали. Сели за стол; лягушка чего не допьёт, то за рукав льёт, а кости за другой кладёт. Другие невестки увидали и стали то же делать: чего не допивали, то за рукав лили; чего не доедали, то за другой клали. Как встали из-за стола, заиграла музыка, и лягушка пошла танцевать: махнула одним рукавом – вдруг на аршин высоты стала вода, махнула другим рукавом – поплыли по воде гуси и лебеди, что видя, все не могли надивиться её хитрости; а как перестала она танцевать – всё исчезло: и вода, и гуси, и лебеди. Тогда пошли танцевать другие невестки и как махнули своими рукавами – то всех облили, обрызгали и костями чуть глаз не выбили! Тут Иван-богатырь пошёл домой, схватил лягушечью кожу и тотчас сжёг её. Приехала его жена и бросилась искать своей кожуринки, не нашла и говорит:

– Ну, Иван-богатырь, коли ты не мог потерпеть малое время, то ищи теперь меня за тридевять земель, в тридесятом царстве, в подсолнечном государстве, и знай, что зовут меня Василиса Премудрая.

Сказала и вмиг исчезла.

□Иван-богатырь заплакал неутешно и пошёл искать Василису

Премудрую; шёл он долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, и пришёл к избушке, которая стояла на курьих ножках и сама повёртывалась. Иван-богатырь сказал:

– Избушка, избушка! Стань к лесу задом, а ко мне передом! – и по его речам избушка остановилась.

Иван-богатырь вошёл в избушку и увидел, что в переднем углу сидела баба-яга; говорит она сердитым голосом:

– Доселева русского духу слыхом не слыхивано и видом не видывано, а нынеча русский дух в очах проявляется! Что ты, Иван-богатырь, волею али неволею?

Иван-богатырь отвечал, что сколько волею, а вдвое того неволею, и рассказал всё, как было.

– Жаль мне тебя, – сказала баба-яга, – изволь, я тебе услужу, покажу тебе Василису Премудрую: она каждый день прилетает ко мне отдыхать. Как прилетит она, ты старайся поймать её за́ голову, и как поймаешь – она начнёт превращаться лягушкой, жабой, змеёю и прочими гадами, а после всего превратится в стрелу. Ты возьми эту стрелу и переломи надвое: тогда она будет вечно твоя. Только смотри, как поймаешь свою жену – не выпускай её!

□Потом баба-яга спрятала королевича, и только успела его спрятать, как прилетела Василиса Премудрая. Иван-богатырь подошёл к ней тихонько и схватил её за́ голову; она стала оборачиваться лягушкою, жабою и, наконец, змеёю. Иван-богатырь испугался и отпустил руку; Василиса Премудрая в ту ж минуту пропала. А баба-яга сказала ему:

– Когда не умел ты удержать, то больше никогда не увидишь её здесь; а коли хочешь, ступай к моей сестре; к ней Василиса Премудрая также летает отдыхать.

Иван-богатырь отправился к другой бабе-яге, и тут не удержал

он Василисы Премудрой; пошёл он к третьей сестре, бабе-яге.

– Если теперь упустишь Василису Премудрую, – сказала она, – то уж больше никогда её не найдёшь.

Как ни оборачивалась Василиса Премудрая, Иван-богатырь не выпускал её из рук; наконец оборотилась она стрелю, Иван-богатырь взял стрелу и переломил надвое. В ту ж минуту явилась перед ним Василиса Премудрая и сказала:

– Ну, Иван-богатырь, теперь отдаюсь я в твою волю!

Баба-яга подарила им ковёр-самолёт, и они полетели на ковре-самолёте в своё государство; через три дня на четвёртый опустился ковёр прямо на дворец. Король встретил своего сына и невестку с великою радостью, сделал большой пир, а после сделал вместо себя королём Ивана-богатыря.

[1] – Верховые (Ред.).

(Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

**Русские народные сказки. А.
Н. Афанасьев. Сказка о
серебряном блюдечке и
наливном яблочке**

Жил мужик с женою, и у них были три дочери: две – нарядницы, затайницы, а третья – простоватая, и зовут её сестры, а за ними и отец и мать, дурочкой. Дурочку везде толкают, во всё помыкают, работать заставляют; она не молвит и слова, на всё готова: и траву полет, и лучину колет, коровушек доит, уток кормит. Кто что ни спросит, всё дура приносит: «Дура, поди! За всем, дура, гляди!» Едет мужик с сеном на ярмарку обещает дочерям гостинцев купить. Одна дочь просит:

– Купи мне, батюшка, кумачу на сарафан; – другая дочь просит:

– Купи мне алой китайки^[1]; – а дура молчит да глядит.

Хоть дура, да дочь; жаль отцу – и её спросил:

– Чего тебе, дура, купить?

Дура усмехнулась и говорит:

– Купи мне, свет-батюшка, серебряное блюдечко да наливное яблочко.

– Да на что тебе? – сёстры спросили.

– Стану я катать яблочком по блюдечку да слова приговаривать, которым научила меня старушка – за то, что я ей калач подала.

Мужик обещал и поехал.

□Близко ли, далеко ли, мало ли, долго ли был он на ярмарке,

сено продал, гостинцев купил: одной дочери алой китайки, другой кумачу на сарафан, а дуре серебряное блюдечко да наливное яблочко; возвратился домой и показывает. Сёстры рады были, сарафаны пошили, а на дуру смеются да ждут, что она будет делать с серебряным блюдечком, с наливным яблочком. Дура не ест яблочко, а села в углу – приговаривает:

– Катись-катись, яблочко, по серебряному блюдечку, показывай мне города и поля, леса и моря, и гор высоту и небес красоту!

Катится яблочко по блюдечку, наливное по серебряному, а на блюдечке все города один за другим видны, корабли на морях и полки́ на полях, и гор высота и небес красота; солнышко за солнышком катится, звёзды в хоровод собираются – так всё красиво, на диво – что ни в сказке сказать, ни пером написать. Загляделись сёстры, а самих зависть берёт, как бы выманить у дуры блюдечко; но она своё блюдечко ни на что не променяет.

□Злые сёстры похаживают, зовут, подговаривают:

– Душенька сестрица! В лес по ягоды пойдём, земляничку сберём.

Дурочка блюдечко отцу отдала, встала да в лес пошла; с сёстрами бродит, ягоды собирает и видит, что на траве заступ лежит. Вдруг злые сёстры заступ схватили, дурочку убили, под берёзкой схоронили, а к отцу поздно пришли, говорят:

– Дурочка от нас убежала, без вести пропала; мы лес обошли, её не нашли, видно волки съели!

Жалко отцу – хоть дура, да дочь! Плачет мужик по дочери; взял он блюдечко и яблочко, положил в ларец да замкнул; а сёстры слезами обливаются.

□Водит стадо пастушок, трубит в трубу на заре и идёт по леску овечку отыскивать, видит он бугорок под берёзкой в стороне, а на нём вокруг цветы алые, лазоревые, над цветами тростинка. Пастушок молодой срезал тростинку, сделал дудочку, и – диво дивное, чудо чудное – дудочка сама поёт-выговаривает: «Играй,

играй, дудочка! Потешай света-батюшку, мою родимую матушку и голубушек сестриц моих. Меня, бедную, загубили, со свету сбыли за серебряное блюдечко, за наливное яблочко». Люди слышат – сбежались, вся деревня за пастухом оборотилась; пристают к пастуху, спрашивают, кого загубили? От расспросов отбою нет.

– Люди добрые! – пастух говорит. – Ничего я не ведаю, а искал в лесу овечку и увидел бугорок, на бугорке цветочки, над цветочками тростинка; срезал я тростинку, сделал себе дудочку, сама дудочка играет-выговаривает.

□Случился тут отец дурочки, слышит пастуховы слова, схватил дудочку, а дудочка сама поёт: «Играй, играй, дудочка, родимому батюшке, потешай его с матушкой. Меня, бедную, загубили, со свету сбыли за серебряное блюдечко, за наливное яблочко».

– Веди нас, пастух – говорит отец, – туда, где срезал ты тростинку.

Пошёл за пастухом он в лесок на бугорок и дивится на цветы прекрасные, цветы алые, лазоревые. Вот начали разрывать бугорок и мёртвое тело отрыли. Отец всплеснул руками, застонал, дочь несчастную узнал, и лежит она убитая, неведомо кем загубленная, неведомо кем зарытая. Добрые люди спрашивают, кто убил-загубил её? А дудочка сама играет-выговаривает: «Свет мой батюшка родимый! Меня сёстры в лес зазвали, меня бедную загубили за серебряное блюдечко, за наливное яблочко; не пробудишь ты меня от сна тяжкого, пока не достанешь воды из колодезя царского». Две сестры завистницы затряслись, побледнели, а душа как в огне, и признались в вине; их схватили, связали, в тёмный погреб замкнули до царского указа, высокого повеленья; а отец в путь собрался в город престольный.

□Скоро ли, долго ли – прибыл в тот город. К дворцу он приходит; вот с крыльца золотого царь-солнышко вышел, старик в землю кланяется, царской милости просит. Возговорит царь-надежа:

– Возьми, старик, живой воды из царского колодезя; когда дочь оживёт, представь её нам с блюдечком, яблочком, с лиходейками-сёстрами.

Старик радуется, в землю кланяется и домой везёт скляницу с живою водою; бежит он в лесок на цветной бугорок, отрывает там тело. Лишь он sprиснул водою – встала дочь перед ним живой и припала голубкой на шею отцу. Люди сбежались, наплакались. Поехал старик в престольный город; привели его в царские палаты. Вышел царь-солнышко, видит старика с тремя дочерьми: две за руки связаны, а третья дочь – как весенний цвет, очи – райский свет, по лицу заря, из очей слёзы катятся, будто жемчуг падают. Царь глядит, удивляется; на злых сёстер прогневался, а красавицу спрашивает:

– Где ж твоё блюдечко и наливное яблочко?

Тут взяла она ларчик из рук отца, вынула яблочко с блюдечком, а сама царя спрашивает:

– Что ты, царь-государь, хочешь видеть: города ль твои крепкие, полки́ль твои храбрые, корабли ли на́море, чудные ль звёзды на́небе?

□Покатила наливным яблочком по серебряному блюдечку, а на блюдечке-то один за одним города выставляются, в них полки́ собираются со знамёнами, со пищалями, в боевой строй становятся; воеводы перед строями, головы перед взводами, десятники перед десятнями; и пальба, и стрельба, дым облако свил, всё из глаз закрыл! Яблочко по блюдечку катится, наливное по серебряному: на блюдечке море волнуется, корабли как лебеди плавают, флаги развеваются, с кормы стреляют; и стрельба, и пальба, дым облако свил, всё из глаз закрыл! Яблочко по блюдечку катится, наливное по серебряному: в блюдечке всё небо красуется, солнышко за солнышком кружится, звёзды в хоровод собираются. Царь удивлен чудесами, а красавица льётся слезами, перед царём в ноги падает, просит помиловать.

– Царь-государь! – говорит она. – Возьми моё серебряное блюдечко и наливное яблочко, лишь прости ты сестёр моих, за меня не губи ты их.

Царь на слёзы её сжалился, по прошенью помиловал; она в радости вскрикнула, обнимать сёстер бросилась.

□Царь глядит, изумляется; взял красавицу за руки, говорит ей приветливо:

– Я почту доброту твою, отличу красоту твою; хочешь ли быть мне супругою, царству доброй царицею?

– Царь-государь! – отвечает красавица. – Твоя воля царская, а над дочерью воля отцовская, благословенье родной матери; как отец велит, как мать благословит, так и я скажу.

Отец в землю поклонился, послали за матерью – мать благословила.

– Ещё к тебе слово, – сказала царю красавица, – не отлучай родных от меня; пусть со мною будут и мать, и отец, и сёстры мои.

Тут сёстры ей в ноги кланяются.

– Недостойны мы! – говорят они.

– Всё забыто, сёстры любезные! – говорит она им. – Вы родные мне, не с чужих сторон, а кто старое зло помнит, тому глаз вон!

Так сказала она, улынулась и сестёр поднимала; а сёстры в раскаянье плачут, как река льются, встать с земли не хотят. Тогда царь им встать приказал, кротко на них посмотрел, во дворце остаться велел. Пир во дворце! Крыльцо всё в огнях, как солнце в лучах; царь с царицею сели в колесницу, земля дрожит, народ бежит: «Здравствуй, – кричат, – на многие века!»

[1] – Китайка – шёлковая, затем хлопчатобумажная лёгкая ткань.

(Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Неосторожное слово (2)

Жил в Заонежье старик со старухой, кормился охотой, и была у него собака – цены ей нет! Раз попался ему навстречу хорошо одетый человек.

– Продай, – говорит, – собаку, а за расчётом приходи завтра вечером на Мянью-гору.

Старик отдал собаку, а на другой день пошёл на́ гору. Поднялся

на верх горы – стоит большой город, где живут лембои^[1]; пришёл в дом того, что купил собаку; тут гостя накормили, напоили, в бане выпарили. Парил его мо́лодец и, покончив дело, пал ему в ноги:

– Не бери, дедушка, за собаку денег, а выпроси меня!

Дед послушался:

– Отдай, – говорит, – мне добра мо́лодца; заместо сына у меня будет.

– Много просишь, старик, да делать нечего, надо дать.

Пришли домой, и сказывает мо́лодец старику:

– Ступай ты в Новгород, отыщи на улице Рогатице такого-то купца.

Старик пошёл в Новгород, попросился к купцу ночевать и стал его спрашивать:

– Были ль у тебя дети?

– Был один сын, да мать в сердцах крикнула на него: «Лембой те возьми!» Лембой и унёс его.

– А что дашь, я тебе ворочу его?

Добрый мо́лодец, которого вывел старик от лембоев, и был тот самый купеческий сын. Купец обрадовался и принял старика со старухою к себе в дом.

[1] – Карельское слово, означающее – черти.

(Голосов: **1**. Рейтинг: **5,00** из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Сказка о Бессчастном стрелке

Жил-был стрелок. Когда ни случалось, что в лес он пойдёт стрелять птиц, всё не было удачи, возвращался в свой дом с пустым мешком и прозван был Бессчастливым стрелком. Дошло до того у стрелка, что не осталось ни хлеба в суме, ни гроша в котоме. Бедный Бессчастный трое суток не ел, по лесу бродя; дрожал от холода, и пришло ему хоть умирать с голода. Лёг он на траву, собираясь нацелить ружьё себе в лоб; но перекрестился, остановился, отбросил ружьё, и вдруг он услышал шорох при ветерке, шёпот невдалеке. Шёпот выходил, казалось, из густой лесной травы. Встал стрелок и подойдя к тому месту, наклонился; увидел, что трава закрывала глубокую пропасть, из той пропасти высунулся камень, а на камне кубышечка лежала. Тут стрелок услышал слабый голос: «Добрый человек прохожий! Освободи меня».

□Тот голос выходил из кубышечки, и стрелок, неустрашимо с камня на камень ступая, над пропастью сам очутился: взял он кубышечку тихо и слышит – в кубышечке голос, словно кузнечик, стрекочет:

– Освободи ты меня! Я тебе послужу.

– Кто ты, дружок? – спросил Бессчастный стрелок и слышит шёпот в ответ:

– Мне имени нет, и меня глаза не видят, а кличь, если хочешь: Мурза! Чудодей-чародей посадил меня в эту кубышку и, запечатав Соломоновым перстнем, бросил сюда, и лежал я здесь семьдесят лет, пока ты не пришёл.

– Хорошо, – сказал Бессчастный стрелок, – выпущу тебя на волю; посмотрю, как исполняешь, что ты обещаешь.

Стрелок сорвал печать и раскрыл кубышку, но в ней ничего не видал.

– Эй, где ж ты, приятель? – спросил Бессчастный стрелок.

– Возле тебя, – кто-то ему отвечал.

Стрелок оглянулся вокруг, но возле него нет никого!

– Эй, Мурза!

– Что прикажешь? Я слуга тебе на три дня и всё, чего хочешь, доставлю; молви только: поди туда – не знаю куда и принеси то – не знаю что!

– Хорошо, – сказал стрелок, – видно, ты лучше знаешь, что надобно; поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что!

□Лишь только молвил Бессчастный стрелок, как глядит – откуда ни взялся стол на лугу, тарелки и блюда из травы налетели, всяким кушаньем по края полны, как будто бы с царского пира. Стрелок сесть за стол спешил, голод утолил, встал, помолился, на обе стороны поклонился и молвил:

– Спасибо!

Стол исчез, как не бывало; а стрелок свой путь продолжал. Дорогою стрелок приустал, а на ту пору шёл через лес

плутоватый цыган и коня продавал. «Вот если бы деньги, купил бы я лошадь, – подумал Бессчастный стрелок, – хорошо бы, когда б не был тощ кошелёк. Дай скажу приятелю... Мурза!»

– Что угодно?

– Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что!

Не прошло минуты, как стрелок слышал бречанье денег в суму своей; невидимо откуда в неё золото сыпалось.

– Спасибо на слове без обмана! – сказал стрелок и стал торговать коня у цыгана.

Купив коня, начал отсчитывать деньги; а цыган разинув рот, дивовался, сколько в суму у стрелка было золота.

□Отъехав от стрелка, плутоватый цыган зашёл в лес и свистнул. На свист не отвечали. «Видно, спят!» – подумал цыган и вошёл в пещеру, в которой разбойники отдыхали, на разостланных кожах лежали.

– Что, братцы, спите? Шевелитесь, встряхнитесь, – крикнул он, – а не то прозеваете сокола; сам-один в лесу, а сума набита золотом. Вставайте скорей!

Разбойники на коней и за стрелком поскакали. Слышит топот Бессчастный стрелок, видит он, что скачут на него со всех сторон, и крикнул:

– Мурза!

– Я здесь! – услышал он возле себя.

– Поди туда – не знаю куда!

И вот смотрит стрелок – в лесу зашумело и на разбойников что-то налетело из-за деревьев: одного взбросит, другого вскинет; а кто нападает – никого не видать! Разбойники попадали с коней, не могли и подняться с земли; а стрелок дальше поехал, песню напевая да присвистывая, из тёмного леса в чистое поле и

добрался полем до города.

□Под городом шатры раскинуты, стоит в шатрах дружина ратная. На вопрос стрелку отвечали, что под город тогда подступала татарского хана несметная сила; сватался хан за царевну Миловзору Прекрасную; рассердясь за отказ, пришёл под царство с татарами. Бывало, Бессчастный стрелок на охоте видал Миловзору; царевна на статном коне скакала с копьём золотым; колчан, полный стрел, за плечами блестел; а откинет с лица покрывало, то солнышком вешним сияла – очам светло и душе тепло! Стрелок призадумался, кликнул:

– Мурза!

И вмиг очутился в наряде богатом, сукно стало бархат, кафтан облит златом, с плеча епанча, колпак – шишаком, с шишака развеваются перья страуса-птицы, а прикреплены запонкой, в той запонке яхонты, вокруг яхонтов жемчуги. И стрелок во дворец, стоит пред царём и сам весть подаёт, что пришёл отразить силу вражескую, если царь согласится выдать за него царевну Миловзору Прекрасную.

□Царь удивился, отказать не решился и спросил незнакомца об имени, роде и владеньях его.

– Я называюсь Бессчастный стрелок, повелитель Мурзы невидимого.

Царь подумал: не рехнулся ль молодец, хоть и с виду удалец? Но придворные видали Бессчастливого и сказали царю, что пришлец незнакомый походит лицом на Бессчастливого стрелка, но неведомо, откуда дался ему клад. Тогда царь сказал стрелку:

– Слышишь, что говорят? Если лгал предо мною, то простись с головою. Посмотрю я, как с невидимкой Мурзой ты начнёшь с неприятелем бой.

– Царь-надежа! – стрелок отвечал. – Я лишь слово скажу – всё готово!

– Поглядим, – молвил царь, – если правду сказал, отдам тебе дочь, или голову прочь.

А стрелок себе гадал: либо пан, либо пропал, и шепнул:

– Мурза! Поди туда – не знаю куда, сделай то – не знаю что.

□Прошло несколько минут, ничего не было ни слышно, ни видно. Стрелок побледнел, гневный царь повелел заковать стрелка в цепи, как вдруг раздались пред дворцом и пальба и стрельба; царь и придворные на крыльцо побежали. Не четыре реки вытекали, а с правой и с левой руки шли полки со знамёнами строем, отдавали честь боем; всё красой удивляло, войска такого и у царя не бывало. Царь не верил глазам.

– Нет тут ошибки, это полки невидимки! – молвил Бессчастный стрелок.

– Пусть же прогонят врагов, чтоб силы противной не осталось следов!

Стрелок махнул платком, воины налево кругом; марш походный заиграл; поднялся туман, полки вскачь летят, а очистился туман – как и не было их! Позвали стрелка к обеду, в царскую беседу, и расспрашивал царь о Мурзе-невидимке. Лишь обед начался, за второй сменой блюд весть пришла, что неприятель бежит, наголову разбит; татары от города, как птицы от холода, в страхе летели, шатры опустели. Царь стрелка благодарил, дочери объявил, что нашёл ей жениха. Миловзора, услышав, смутилась, покраснела, в лице изменилась, слёзки из глаз побежали, жемчугом падали, алмазом сверкали; стрелок, сам не свой, что-то шептал про себя... Бросились придворные слёзки подбирать – всё алмазы да жемчуги! Миловзора рассмеялась и руку стрелку подала; сама она – радость, в глазах её – ласка. Тут пир начался, и кончилась сказка.

(Голосов: **1**. Рейтинг: **5,00** из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Сказка про перстень о двенадцати винтах

Жил-был себе в одном селе сын с матерью, а мать была у него старая-престарая старуха, и звали этого сына Иван-дурак. Жили они в убогой избёнке об одном оконце и в великой бедности: такая бедность была, что окромя хлеба чёрствого, почитай, и не едали ничего, а иной раз и того ещё не было. Мать сидит, пряжу прядёт, а Иван-дурак на печи сидит, в золе копается да знай сопит себе. Вот только мать и говорит ему:

– Что ты, Иванушка, сидишь да сопишь себе на печи-то в золе? Шёл бы ты куда, к корчме, что ли; авось-либо добрый человек какой попался, взял бы тебя к себе в батраки – всё хоть какой-нибудь кусок хлеба был! А дома-то кормиться нам нечем.

– Ну, ладно, я пойду! – говорит дурак; взял и пошёл себе к корчме.

Навстречу ему человек попадается:

– Куда идёшь, Иван-дурак?

– В службу иду наниматься.

– Ступай ко мне служить: вот тебе столько-то я жалованья положу и всё прочее.

Согласился Иван, пошёл к нему в службу. А у того человека сука была, и ощенилась эта сука; Иванушке очень уж понравился один щенок, и вы́ходил он этого щенка. Проходит год, пора и к расчету за службу. Даёт хозяин Ивану деньги, благодарит его, а Иван и говорит ему:

– Не надо мне ваших денег, а дайте вы мне лучше того щеночка, что я у вас вы́ходил.

Тот и рад, что денег-то платить не надобно, отдал ему щенка.

□Пришёл Иван домой; мать как узнала, давай на него плакаться:

– Все люди, как люди, один ты у меня дурак! И то есть было нечего, а теперь ещё одна лишняя душа – чем кормить собаку-то будем?

Иван-дурак ничего себе не отвечает, сидит себе на печи, сам сопит да знай только в золе копается; и собачка его с ним. Проходит мало ли, много ли времени, опять мать говорит ему:

– Что сидишь-то без толку? Шёл бы к корчме, авось-либо добрый человек какой попался, взял бы тебя в батраки.

– Ну, ладно, я пойду! – говорит дурак, взял собачку свою и пошёл.

Навстречу другой хозяин ему:

– Куда идёшь, Иван-дурак?

– В службу, – говорит, – наниматься.

– Ступай ко мне служить!

– Ладно!

Договорились они, и пошёл дурак опять в батраки. А у хозяина у этого кошка была; вот она и окотилась. Полюбился дураку один котёночек, он и выходил его. Приходит время к расчёту. Иван-дурак и говорит хозяину:

– Не надо мне ваших денег, а отдайте мне того котёночка.

– Изволь! – говорит.

Вот пришёл дурак домой, мать ещё пуще того стала плакаться:

– Все-то люди, как люди, один ты у меня дурак уродился! И то есть было нечего, а теперь ещё две лишних души кормить надобно.

□Горько стало Ивану слушать это, взял он свою собачку да кошечку и пошёл себе в поле. Видит посеред поля костёр горит и большущий костёр такой – пребольшущий! Как подходит он ближе к этому самому костру, видит: в нём змея корчится и горит на калёных углях. Сама горит, а сама кричит ему человеческим голосом:

– Эй, Иван-дурак, спаси ты меня! Я тебе большой выкуп дам за свою душу.

Взял Иван палицу и палицей той выкинул змею из костра. Как выкинул он её, глядит – а перед ним не змея, а красная девица стоит и сама говорит ему:

– Ну, спасибо тебе, Иванушка! Сослужил ты мне великую службу, сослужу я тебе ещё и больше того! Пойдём, – говорит, – к моей матери; будет она тебе давать медные деньги – ты не бери, потому это угольё, а не деньги; будет давать серебряные – также не бери, то будут щепки, а не серебро; будет выносить тебе золото – и того не бери, потому что вместо золота там будет черепьё да кирпич; а проси ты у неё в награду перстень о двенадцати винтах: тяжело ей будет отдать, иначе ты не сумлевайся, потому что она за меня отдаст его.

Вот всё так и случилось. Хоть и важно озлилась старуха, только

отдала ему перстень.

□ Вот идёт Иван полем и думает себе:

– Что же я теперь с этим перстнем буду делать?

Только глядит, догоняет его эта самая дочка и говорит:

– Ты, Иван, чего ни пожелаешь только, – всё это тебе будет; стань ты только вечером на пороге, отвинти все двенадцать винтов – и явятся перед тобою двенадцать тысяч человек, что захочешь, то им и приказывай, – всё тебе будет исполнено!

Пришёл Иван домой, ничего не сказал матери, а сам сел себе на печь, сопит да в золе копается. Вот пришёл вечер, легли они спать; Иван выждал время, выходит на порог, отвинтил в перстне все двенадцать винтов – и явились перед ним двенадцать тысяч человек:

– Ты – наш господин, мы – твои люди; приказывай нам, чего душа пожелает!

И говорит им Иван:

– Сделайте вы мне, чтобы на этом самом месте стоял дворец, какого и в свете нет, и чтобы я спал на золотой кровати, на лебяжьей перине, и мать моя то же само, и чтобы кучера, и фореиторы, и лакеи, и всякие сильные и важные люди ходили бы у меня по двору и служили бы мне.

– Ложись себе с богом, – говорят ему люди, – всё будет по слову твоему исполнено.

□ Просыпается Иван-дурак наутро и даже сам испугался; смотрит: спит он на золотой кровати, на лебяжьей перине, и стоят тут высокие хоромы и такие богатые, что даже и у царя-то ихнего нет таких, а по двору ходят кучера, и фореиторы, и лакеи, и всякие сильные и важные люди и служат ему. Подивился дурак, думает: «Ладно!» Глянул в зеркало – самого-то себя не узнать: стал таким красавцем, что ни пером описать, ни в сказке

сказать; как след (следует), по хоромам и господин! Вот только просыпается тем часом и царь (а в том месте царь ихний жил), смотрит он: стоят супротив его дворца высокие хоромы, и стоят они – сами словно жар горят золотом. Посылает царь проведать: «Чьи такие? И пускай, мол, ко мне приедет показать себя, каков он такой есть». Докладывают Ивану.

– А сказать ему, – говорит, – что Ивана-царевича хоромы; а коли хочет видеть меня, так не велик господин, пускай сам приедет!

Нечего делать, поехал царь к Ивану-дураку; познакомились они, и опосля этого поехал и Иван-дурак к царю-то. А у царя распрекрасная дочка-королевишна была. И она, эта дочка, угощения Ивану подносила, и тут больно уж полюбилась ему. Стал просить царя, чтобы замуж за него отдать.

□Вот теперь и царю в свой черёд тоже поломаться захотелось:

– Отдать-то, – говорит, – отчего и не отдать; только ты, Иван-царевич, сослужи мне прежде того службу. Дочь моя роду не простого, и потому венчаться ей надо как ни на есть лучше во всём народе. Сделай ты мне, чтоб от твоего дворца до моего дворца золотая дорога легла; а через реку чтобы был у меня мост, да не простой, а такой, чтобы одна сторона была золотая полоса, а другая сторона – серебряная полоса, и на реке чтобы плавали всякие птицы редкие, гуси и лебеди; а по ту сторону реки пускай церковь стоит, да не простая, а вся восковая, и вокруг неё пускай зацветают восковые яблони и спелые яблоки родят. Коли ты мне, – говорит, – сделаешь всё это, быть дочери за тобою, а не сделаешь – на себя пеняй!

Думает царь, что ну вот теперь уже вволю насмеялся над Иваном, а Иван и в ус себе не дует.

– Ладно, – говорит, – извольте; готовьте к завтраму свадьбу!

С тем и уехал.

□Вечером, как все спать улеглись, стал он на пороге, отвинтил в перстне все двенадцать винтов – встали перед ним двенадцать тысяч человек:

– Ты – наш господин, мы – твои люди; приказывай нам, чего душа пожелает!

– Так и так, – говорит, – нужно мне то-то и то-то.

– Ладно, – говорят, – ложись себе с богом.

Просыпается царь наутро, подходит к окну, а глаза ему так и ослепило – ажно отскочил на три сажени: это, значит, мост-то, одна полоса серебряная, другая золотая, так и горит и светится; на реке гуси и лебеди и всякая птица редкая, а на том берегу церковь белая восковая, и вокруг церкви яблони стоят, только без листьев, голые прутья торчат. – «Ну, – думает царь, дело-то неладное, надо снаряжать дочку к венцу». Снарядили и поехали. Выехали из дому, а на яблоньках почки проступили; едут по мосту, а яблоньки листвою одеваются; подъезжают к церкви, а на яблоньках белые цветочки распускаются; как только что время выходить им от венца, а тут встречают их слуги и всякие люди и на золотом блюде подают спелые яблоки. Так они и стали свадьбу справлять и пиры да балы задавать, и был там пир у них три дня и три ночи.

□После того мало ли, много ли времени прошло, стала королевшна приставать к Ивану:

– Скажи ты мне, супруг мой любезный, как ты всё это делаешь, что и мост в одну ночь строишь и церковь восковую ставишь?

Иван-дурак долго не хотел говорить ей; иначе так как уж очень её любил и очень она у него просила, так он и сказал ей, что у меня-де перстень о двенадцати винтах и так-то вот надо обходиться с ним. Ну, вот так и живут они; только на беду полюбился королевшне один лакей ихний, из себя видный, здоровый и красивый такой; она с ним и сговорилась, чтобы обокрасть мужа своего и перстень у него унести, а самим уйти

бы жить за́ море. Вот только как пришёл вечер, вынула она потихоньку перстень, стала на пороге, отвинтила все двенадцать винтов – и явились перед нею двенадцать тысяч человек:

– Ты – наша госпожа, мы – твои люди; приказывай нам, чего душа пожелает!

Она говорит им:

– Возьмите вы этот дворец и как есть со всем перенесите его за́ море, а на сём месте пускай станет прежняя избушка с моим муженьком Иваном-дураком.

– Ложись себе с богом, – говорят ей люди, – всё будет по слову твоему исполнено.

□ Наутро Иван просыпается – смотрит: лежит он на рогожке, дырявым зипуном покрыт, а хором и следа нет. Горько заплакался он и пошёл к царю, своему тестюшке, приходит во двор, просит доложить, что пришёл-де зять. Тот как увидал его:

– Ах, ты, такой-сякой, беспорточный! Какой ты мне зять? У меня зятья в золотых хоромах живут, в серебряных каретах катаются. Взять его и замуровать в каменный столб?

Сказано – сделано: взяли и замуровали Ивана в каменный столб; а собачка с кошечкой от него не отстают, тут же сидят вместе с ним, и прорыли они себе лазейку и через неё поесть ему пищу приносят.

□ Только вот раз и вздумали они себе: «Что ж это мы с тобою, собачка, сидим здесь сложа руки! Сбегаем-ка мы за́ море да достанем перстень». Как надумали они себе это, так и сделали. Переплыли через море, видят: стоит ихний терем, и королевишна с тем лакеем по́саду гуляет, мужа своего судачит.

– Ну, собачка, пообожди ты пока здесь, а я проберуся в терем да кольцо достану, – говорит кошечка и пошла себе.

– Мяу-мяу! – под дверью.

Услыхала королевишна:

– А, это кошка того мерзавца, – говорит, – впустите да накормите её!

Вот её впустили и накормили, а она всё ходит по комнатам да высматривает перстня, только и видит, стоит печка, а на печке стеклянная банка, а в банке той перстень. Обрадовалась кошечка. «Ну, – думает, – слава богу! Теперь только бы дождаться ночи, а там достану перстень – и домой». Только как все улеглись, она вскочила на печку и свалила оттуда банку, банка упала и разбилась, а кошечка подхватила перстень в рот и притаилась под дверь. В доме все проснулись, сама королевишна встала; увидела, что банка-то разбита.

– Ах, – говорит, – это, верно кошка того мерзавца разбила; выгнать её вон!

Выгнали кошечку вон, а она и рада, бежит к собачке:

– Ну, брат собачка, достала перстень! Теперь только поскорей бы домой.

И поплыли они через море; плывут-плывут себе, долго плывут. Коли устанет собачка – сядет она на кошечку, а коли кошечка устанет – сядет на собачку; так они и обходятся. Уж недалеко и до берега им осталось, только собачка стала изнемогать; кошечка видит это и говорит ей:

– Садись ты на меня, ты уж устала! Как сказала она это, а перстень-то изо рта у ней бултых в воду! Что тут делать? Доплыли до берегу, ходят себе да слёзно плачут, а сами уж тем часом и проголодались. Собачка бегаёт по полю, ловит птичек-воробышков, и кошечка ходит по берегу, ловит мелкую рыбицу, которую волной выбивает; тем они и кормятся. Только вдруг кошечка и кричит:

– Ой ты, собачка, ступай скорее ко мне! Я-то ведь перстень нашла! Поймала рыбку, стала её есть, а в рыбке-то и был этот

перстень.

Ну, вот обрадовались они сильно, побежали к Ивану и принесли ему перстень.

□Иван дождался вечера, отвинтил все двенадцать винтов – и явились перед ним двенадцать тысяч человек:

– Ты – наш господин, мы – твои люди; приказывай нам, чего душа пожелает!

– Разнесите, – говорит, – сейчас же этот каменный столб, чтобы и праху от него не осталось, а из-за моря перенесите мои хоромы со всеми, кто там есть и как кто там спит, и поставьте их на прежнее место!

Тотчас же всё так и случилось. Наутро едет Иван к своему тестю-царю. Тот его встречает, на первое место сажает:

– Где, любезный зятюшка, побывать изволил?

– Я, – говорит Иван, – был за́морем.

– То-то, – говорит, – за́морем! Видно, по спешному делу, что к тестю и проститься даже не заехал... А тут без тебя приходит ко мне какой-то голоштанник и называется моим зятем; я его приказал в каменный столб замуровать, там он, – говорит, – и сгинул, верно! Ну, а ты, любезный зятюшка, где побывать изволил, какие виды видывал?

– А видывал я, – говорит, – разные виды; за́морем одно такое дело было, что никто не знает, как и рассудить.

– Какое ж такое это дело?

– А вот какое! И коли ты теперича умный человек, так вот и рассуди по своей царской мудрости: была у мужа жена, от живого мужа завела себе душеньку, обокрала с этим душенькой мужа-то и ушла было с ним за́море, а теперь спит с ним на одной кровати. Что по-твоему надо сделать с такою женой?

– По своей царской мудрости я, – говорит, – скажу такое слово: взять их обоих, привязать к конским хвостам и пустить в чистое поле: тут им и казнь!

– Ну коли так, так ладно же! – говорит Иван. – Поедем ко мне в гости, я тебе покажу другие виды и другое диво.

Поехали они, входят в спальню: а там королевишна, обнявшись с тем лакеем, спит на золотой кровати, на лебяжьей перине, и знать ничего не знает. Ну, уж тут нечего делать – по царскому слову взяли привязали их к конским хвостам и пустили жеребцов в чистое поле: тут им и казнь была! А Иван опосле женился на той красной девице-раскрасавице, которую он из огня спас, и стали они жить да поживать да добра наживать.

(Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Смирный мужик и драчливая жена

Мужичок некий жил с своею женою в великой скудости. Он был так смирён, как телёнок, а жена его так зла, как змея лютая; она мужа своего всегда ругала и била за самую малую безделицу. В

некое время злая жена выпросила у соседа на один хлебец ржи и послала своего мужа, чтобы пошёл он к мельнику смолоть рожь. Мельник пустил его, ради бедности, на свою мельницу и дал ему смолоть рожь. Смоловши, пошёл мужик домой. Вдруг сделался такой сильный ветер, что в одну минуту сдунул всю муку из чашки, в которой нёс её мужик. Пришёл мужик домой и сказал о том своей жене; а жена, услыша то, начала его бранить и бить немилосердно, и била до тех пор, покуда устала, а потом стала посылать его к Ветру, который развеял у него муку, чтобы взять с Ветра за муку деньги или столько же муки, сколько в чашке было.

□Мужик, претерпев от жены своей толикие побои, пошёл, заплакавши, из своего дома и шёл не зная куда; зашёл он в дремучий лес и ходил по тому лесу дремучему. Попалась ему навстречу старуха и спросила мужика:

– Добрый человек! Куда идёшь, куда путь держишь? Как тебя занесло в сию сторонку? Ведь сюда мало птица залетает и редко зверь забегает.

– Матушка старушка! – отвечал он. – Завела меня сюда неволя. Ходил я на мельницу рожь молоть, и, смоловши, высыпал муку в чашку, и пошёл домой; на ту пору вдруг подул такой сильный ветер, что всю мою муку из чашки сдунул. Я пришёл домой без муки и сказал о том своей жене; а она прибила меня и послала к Ветру, чтоб он отдал мою муку или заплатил за неё деньги. Теперь же я хожу, ищу Ветра и не знаю, где его найти.

– Поди за мною, – сказала ему старуха, – я мать Ветрова, но у меня их четыре сына: первый – Ветер Восточный, второй – Полуденный, третий – Западный, а четвёртый – Полуночный. Так скажи же мне теперь, который Ветер раздул муку?

– Полуденный, матушка! – молвил мужик.

□Старуха повела старика в лес далее и привела его в небольшую хижину и сказала:

– Вот, мужичок, я здесь живу. Полезай же ты на печь и окутайся хорошенько, как можно; мои дети скоро будут.

– Для чего же мне кутаться? – спросил мужик.

– Для того, – сказала старуха, – что сын мой, Полночный Ветер, очень холоден; он зазнобит тебя скоро.

После того старухины дети стали собираться. Когда пришёл Полуденный Ветер, то старуха, кликнув с печи мужика, стала говорить своему сыну:

– Сын мой любезный, Полуденный Ветерочек! На тебя есть жалоба. Зачем ты бедных людей обижаешь? Ты у этого мужика муку развеял, которую он нёс в чашке; теперь заплати ему за муку хоть деньгами или чем хочешь.

– Хорошо, матушка! – сказал ей Ветер. – Я ему заплачу за муку.

□Ветер кликнул к себе мужика и сказал ему:

– Слушай, мужичок! Возьми себе эту коробочку; в ней всё есть, что только вздумаешь. И когда тебе что захочется: денег ли, хлеба ли, кушанья ли, питья ли какого, скота ли или что тебе вздумается – то скажи только: «Коробочка, дай мне вот то и то-то!» Она тотчас тебе и даст. Поди же теперь домой; вот тебе платёж за твою муку.

Мужик, поклонясь Ветру и поблагодарив его за коробочку, пошёл домой. Когда он принёс коробочку домой, то отдал её своей жене и сказал:

– Вот тебе, жена, коробочка! В ней всё есть, что тебе надобно, только лишь попроси у неё.

Жена, взяв коробочку, сказала:

– Коробочка! Дай мне хорошей муки на хлебы.

Коробочка тотчас ей дала, сколько надобно было. Она попросила у коробочки ещё кое-что, а коробочка всё ей давала в ту же

минуту.

□ Через несколько дней случилось мимо мужиковой избы ехать знатному помещику. Увидевши его, жена мужикова тотчас сказала своему мужу:

– Поди и зови его к себе в гости, а ежели не зазовёшь его к себе в гости, то я прибью тебя до полусмерти.

Мужик, убоясь побой от жены своей, пошёл звать дворянина к себе на пир; а жена его в то время набрала у коробочки всякого кушанья и напитков и, собрав на стол, села под окном; сложивши руки, дожидалась она к себе в дом пришествия дворянина, которого мужик нагнал на дороге и стал звать к себе на пир. Удивясь такому зову, он лишь смеялся и, не хотя к нему ехать, приказал своим людям, которые при нём были, ехать к мужику и после рассказать, как он угостит их. Люди поехали к мужику в гости и, приехав туда, весьма удивились, что, судя по хижине, должно быть ему весьма бедным человеком, а по кушанью, которое поставлено на столе, – знатным господином. Кушанья и напитков было поставлено на столе великое множество. Они сели за стол, пили, и ели, и прохлаждались, и заметили, что мужикова жена – в чём имела надобность, то просила у коробочки, и коробочка ей всё то давала.

□ Не выходя из избы, они послали одного из товарищей, чтоб заказал сделать точно такую же коробочку в самое короткое время, которую бы немедленно принесли к ним так, чтобы ни мужик, ни жена его того не заметили. Посланный побежал тотчас и велел сделать такую же коробочку, и как её принесли, то гости сии взяли тихонько мужикову коробочку, а свою поставили на её место, и потом все поехали от мужика и рассказали, как мужик их потчевал. Жена же мужикова в тот день к вечеру и выбросила все кушанья вон – затем, чтоб на другой день наварить свежего. Наутро пришла к коробочке и стала у неё просить того, что ей было надобно, и, видя, что коробочка ничего больше ей не даёт, призвала своего мужа и сказала:

– Старый хрыч! Какую ты принёс мне коробочку? Она, видно, служила нам только на время. Поди опять к Ветру и проси у него, чтоб отдал нашу муку, а не то так я прибью тебя до смерти!

□Бедный мужик пошёл опять к Ветру и, пришедши к старухе, его матери, жаловался на свою жену. Старуха сказала ему:

– Подожди моего сына; он скоро будет.

Вскоре пришёл Полуденный Ветер, и мужик начал ему жаловаться на свою жену, а Ветер ему сказал:

– Жаль мне тебя, старика, что жена у тебя так зла; однако я тебе в том помогу, и жена тебя бить больше не станет. Возьми эту бочку, и когда придёшь домой, а жена твоя будет тебя бить, то стань позади бочки и скажи: «Пятеро из бочки, бейте мою жену!» А когда они её поколотят довольно, то скажи: «Пятеро опять в бочку!»

Мужик, поклонясь Ветру, пошёл домой и, пришедши, сказал жене:

– Вот тебе, жена, вместо коробочки бочка!

Жена осердилась на своего мужа и сказала:

– Что мне в твоей бочке? Для чего не принёс муки!

И выговоря сии слова, ухватила ухват и хотела бить своего мужа. Мужик тотчас стал за бочку и сказал:

– Пятеро из бочки, бейте мою жену хорошенько!

Вдруг выскочили из бочки пять молодцов и стали бить мужикову жену. Мужик, видя, что поколотили её довольно и она стала просить его, чтоб помиловал её, сказал:

– Пятеро опять в бочку!

С тех пор жена его стала помирнее.

□Потом мужик стал помышлять о своей коробочке и начал подозревать гостей своих, не подменили ль они его коробочки. Он начал советоваться с своею женою о том, как бы им опять достать свою коробочку. Жена ему на то сказала:

– Когда теперь у тебя есть такая диковинная бочка, что можешь ты не только с одним человеком, но даже и с великими тысячами управляться, то поди – вызови дворянина на поединок и требуй, чтобы он велел отдать тебе коробочку!

Мужик принял сие за хороший совет, пошёл к дворянину и, пришедши к нему, стал вызывать его на поединок. Он же смеялся мужикову дурачеству, не хотел ему в том отказать, а вздумал над ним посмеяться и для того приказал мужику выйти в поле.

□Мужик взял свою бочку, пошёл и дожидался господина, который собрал с собою много людей и поехал к мужику, и как скоро к нему подъехал, то приказал служителям, чтоб его будто шуткой хорошенько поколотили. Мужик, видя, что над ним смеются, да уже и бить стали, осердился на дворянина и на его людей и молвил:

– Эй, барин! Вели отдать мою коробочку, а не то худо всем будет!

Но, видя, что бить его не перестают, он закричал:

– По пяти на каждого из бочки, бейте хорошенько!

Тотчас выскочили из бочки на каждого человека по пяти молодцов и стали бить всех немилостиво. Дворянин, убоясь, чтоб его не убили, закричал во весь голос:

– Мужичок! Перестань бить, я велю отдать твою коробочку.

Мужик, услышав то, крикнул:

– Эй, эй, молодцы! Ступайте все в бочку.

Тотчас все молодцы перестали бить и ушли в бочку. Дворянин же

приказал своим людям отдать коробочку, что по повелению его и учинено. А мужик, взяв свою коробочку, принёс домой и стал жить с своею женою в великом удовольствии и тишине.

(Голосов: **1**. Рейтинг: **5,00** из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. 0 Иванушке-дурачке

Был-жил старик, у него было три сына: двое умных, а третий Иванушка-дурачок. Умирая, отец приказал им три ночи сряду ходить по очереди на его могилу и ночевать там. Когда умер старик и его похоронили, большому брату не захотелось идти на отцовскую могилу.

– Дай дураку пирог, – сказал он своей жене, – пусть пойдёт за меня, ночует на могиле.

Дурак взял пирог, положил на плечо дубину и пошёл на отцовскую могилу. В самую полночь вдруг свалился с могилы камень, земля раскрылась, встал старик (он был колдун) и спросил:

– Кто пришёл ночевать?

– Я, батюшка, твой сын дурак.

– Ну, дурак, коли ты пришёл, подарю тебе за то подарок.

□ После того старик свистнул-гаркнул богатырским посвистом, молодецким покриком:

– Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!

Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом, а из ноздрей пламя пышет; и как прибежал, то и стал перед стариком как вкопанный.

– Вот тебе конь, – сказал отец, – владей по смерть свою; – потом показал ему весь прибор: копье, палицу боевую и меч-кладенец, и как скоро пропели петухи – свалился в могилу. Поутру пошёл дурак домой.

– Что тебе привиделось ночью? – спрашивали его братья.

– Ничего, – отвечал он, – я проспал до рассвета.

На другую и на третью ночь опять ходил дурак на отцовскую могилу, и оба раза случилось то же.

□ В это время один царь велел отвести лобное место и на том месте поставить двенадцать венцов и кликать клич: кто перескочит на коне все двенадцать венцов, тот получит в жёны прекрасную царевну. Стали собираться короли и королевичи, цари и царевичи и сильные, могучие богатыри; поехали и братья Иванушки-дурачка.

– Братцы, возьмите и меня с собою! – сказал Иванушка-дурачок.

– Куда тебя, дурака, нелёгкая несёт! – закричали братья. – Оставайся дома да лежи на печи.

Только они уехали, дурак слез с печи и говорит своим

невесткам:

– Дайте мне лукошко, я хоть в лес пойду да грибов наберу.

Невестки дали ему лукошко; дурак пошёл в чистое поле, положил лукошко под кустик, а сам свистнул молодецким посвистом, гаркнул богатырским покриком:

– Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой.

Прибежал конь и стал как вкопанный.

□Дурак в одно ушко коню влез, напился там, наелся, хорошенько нарядился, а в другое вылез, и стал такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать, ни пером написать. Сел на коня и поехал прямо к городу; нагнал своих братьев, поравнялся и начал их бить плетью, чтоб посторонились и дали ему дорогу. И как приехал к лобному месту, ударил коня по крутым бедрам. Его конь осержается, от земли отделяется, выше лесу стоячего, ниже облака ходячего, и перепрыгнул шесть венцов. Тут закричали:

– Держи, держи!

Но Иванушка поворотил назад, ускакал в чистое поле, влез своему коню в одно ушко, разрядился, вылез в другое и стал по-прежнему дурак дураком. Взял своё лукошко, пошёл по лесу, набрал мухоморов и всяких грибов, что никуды не годятся, и принёс домой. Невестки рассердились.

– Что ты, дурак! – говорили они. – Разве тебе одному есть эти грибы!

А дурак сказал:

– Вот ещё! Поди набери грибов, да и то не угодишь.

□Воротились домой братья и стали рассказывать о молодце, что нагнал их дорогою, да такой озорник – больно прибил за то, что

они не посторонились. Дурак, сидя на печи, говорил:

– Полно, не я ли вас бил, братцы?

– Что ты врёшь, дурак! – закричали на него братья.

В другой раз Иванушка-дурачок перепрыгнул на своём коне десять венцов, а в третий раз и все двенадцать венцов; царевна в ту ж минуту вlepила ему в лоб алмазную звезду, а сама закричала:

– Держи, лови, лови его!

Но дурак ускакал. Завязал себе голову тряпицею и засел на печи. Царь велел всем собираться к себе на пир, и как собрались, стала царевна обносить всех напитками; подошла к дураку и спросила:

– Что у тебя лоб-то завязан?

– Ходил я, – говорит дурак, – в лес за грибами, упал да зашибся.

Царевна развязала тряпицу, и вдруг осветилась вся палата. Дурак женился на царевне.

□После того услышал царь, что в его заповедных лугах бегают олени золоторогий, и приказывает зятьям своим поймать его. Иванушка-дурачок взял вместо доброго коня коростовую кобылу, сел на неё задом к голове, а передом к хвосту, взялся за хвост и поехал с царского двора; выехал в чистое поле, содрал с лошади кожу, повесил на шест, а сам закричал:

– Сбегайтесь, серые волки! Слетайтесь, сороки, вороны! Вот вам гостинец от царя.

Свистнул и призвал сивку-бурку, клал на коня седельцо черкасское, двенадцать подпруг шёлку шемаханского: шёлк не рвется, булат не трётся, аравитское золото в грязи не ржавеет; поскакал, как птица, и добыл оленя золоторогого. После того добыл дурак свинку золотую щетинку с двенадцатью поросятами и

ветку с золотой сосны, что растёт за тридевять земель, в тридесятом царстве, в подсолнечном государстве, а ветки на ней серебряные, и на тех ветках сидят птицы райские, поют песни царские; да подле сосны стоят два колодца с живою водою и мёртвою.

(Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Сказка о трёх королевичах

В некотором царстве, в некотором государстве жил король; у него было три сына: Василий-королевич, Фёдор-королевич и Иван-королевич.

– Любезные дети! – говорил им отец. – Вы видите, что я стар; а слышно, что за тридевять земель в тридесятом царстве, в подсолнечном государстве есть живая и мёртвая вода и яблонь, на которой растут такие яблоки, что и старому можно от них

сделаться молодым. Как бы добыть этой воды и этих яблок?

Василий-королевич приказал оседлать себе коня и поехал в путь; ехал он долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, и заехал в такие горы и пропасти и леса непроходимые, что стал опасаться потерять дорогу; воротился назад и сказал отцу, что подсолнечного государства нигде не нашёл. Поехал Фёдор-королевич, и с ним случилось то же.

□Тогда вздумал попытать счастья меньшей брат, Иван-королевич; он поехал по новой дороге, ехал-ехал и видит: стоит избушка на курьих ножках, а в избушке баба-яга. Спрашивает его яга-баба: куда едет и волею али неволею?

– Сколько неволею, – отвечал Иван-королевич, – а вдвое того своею охотою! – и рассказал ей, куда и зачем путь держит.

Яга-баба дала ему нового коня и послала к своей сестре; эта тоже переменяла ему коня и послала к третьей сестре, которая, узнавши в чём дело, повела королевича в конюшню и сказала:

– Вот тебе конь; поезжай на этом, а своего оставь у меня. А вот и дорога, что ведёт в государство, в котором есть живая и мёртвая вода и моложавые яблоки. Туда нельзя проехать иначе, как ночным временем. Там увидишь ты высокую стену, перескочи её и поезжай прямо к садовым воротам; в саду найдёшь яблонь, на которой растут моложавые яблоки, и подле два колодезя с живою и мёртвою водою. Да как поедешь назад, берегись, чтобы конь твой не зацепил ни за одну струну из тех, что проведены к стене.

□Иван-королевич так всё и сделал; перескочил через стену и въехал в сад, нарвал моложавых яблок и налил в склянки живой и мёртвой воды, да как стал ворочаться – не уберёгся: прыгая через стену, конь его зацепил за струны, и от того поднялся во всём городе колокольный звон, барабанный бой и пушечная пальба; всё встревожилось. Царь-девица, которой принадлежали и моложавые яблоки, и живая и мёртвая вода, приказала оседлать

коня и тотчас же пустилась за Иваном-королевичем в погонь; но не догнала. Иван-королевич брал у каждой бабы-яги по свежей лошади; а царь-девица как приехала к первой яге и стала о нём спрашивать:

– Не видала ль где, баба-яга, такого-то человека?

– Не видала, – отвечала яга, а сама стала просить царь-девицу, чтоб побыла у неё и успокоилась от такого дальнего пути.

Царь-девица пробыла у яги-бабы целый день и целую ночь; то же случилось и у других двух сестёр яги-бабы. Когда царь-девица стала нагонять Ивана-королевича, он въехал уже в своё государство.

– Счастлив ты, королевич, – сказала царь-девица, – что не попался в мои руки; но постой, я буду к тебе в гости!

□Иван-королевич приехал домой, вынул склянки с живой и мёртвой водою, положил на блюдо молоджавые яблоки и всё это поднёс своему отцу. Король весьма обрадовался, съел несколько яблок и помолодел. Стали они себе жить да веселиться. Раз вздумал король взглянуть в окошко и увидел в заповедном своём лугу раскинутую палатку; тотчас же послал он осведомиться, кто таков осмелился раскинуть свою палатку в королевском заповедном лугу? А в палатке была царь-девица, и говорила она:

– Приехала-де я за тем, чтоб король выдал мне из своих сыновей виноватого; а не выдаст – я весь город разорю.

Пошёл к ней Иван-королевич.

– Что мне с тобой делать? – сказала она. – Коли ты был столько смел, что похитил у меня чудесную воду и молоджавые яблоки, то хочу быть твоею женою.

Королевич женился на царь-девице и поехал жить в её государство.

☒ ☒ ☒ ☒ ☒ (Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Сказка о сильном и храбром непобедимом богатыре Иване-царевиче

В некоем царстве, в некоем государстве жил-был царь по имени Ахридей, и тот царь жил с своею супругою Дарьею много лет, а детей не имел. Уже приходили они к старости, и начали богу молиться, чтобы даровал им детище. Скоро после того царица Дарья оберменела, и чрез обыкновенное время родила прекрасную дочь, которую называли Луною; чрез год родила она другую дочь – ещё краше и лучше первой: называли её Звездю. Царевны выросли, и когда большая сестра была по пятнадцатому году, а меньшая по четырнадцатому, то в некое время пошли они в зелёный сад гулять с своими нянюшками и мамушками и гуляли там долгое

время. Вдруг поднялся превеликий вихрь и унёс обеих царевен. Нянюшки и мамушки испугались, побежали к царице Дарье и сказали ей про ту беду. Царица Дарья чуть не умерла с той горькой ведомости, а царь Ахридей начал клич кликать: кто сыщет царевен, за того отдам любую из них замуж. Ни один богатырь не вызвался. Царь собрал волхвов, стал у них выпрашивать: не знают ли, где его дочери? Но и те отреклись от этого дела.

□ Вот царь Ахридей потужил немалое время и напоследок начал опять просить бога, чтобы даровал ему при старости наследника, и роздал великие и щедрые милостыни на бедных и по церквам и по монастырям. Бог услышал молитву, даровал ему сына, Ивана-царевича. Иван-царевич рос не по годам, а по часам, так, как пшеничное тесто на опаре киснет, и когда пришли его совершенные лета, то обучился разным наукам. И проведал Иван-царевич, что были у него две сестры родные, да без вести пропали, и вздумал проситься у отца своего, у матери, чтоб позволили ему идти в дальние государства и проведать о сёстрах; пришёл к своему родителю, и поклонился до земли, и стал говорить:

– Милостивый батюшка! Я пришёл к тебе не пир пировать, не совет советовать, не крепкую думу думать, а пришёл просить у тебя благословения; хочу я идти в дальние государства и проведать о моих любезных сестрицах, что без вести пропали!

– Ох ты гой еси, молодой юноша Иван-царевич! – сказал ему царь Ахридей. – Куда тебя бог несёт и в какую пойдёшь ты сторону? Ведь ты ещё млад и к дорожным трудам непривычен.

Но Иван-царевич просил так неотступно и со слезами, что отец не выдержал – отпустил его. Царевич богу помолился, на все на четыре стороны поклонился, с отцом, с матерью попрощался и пошёл один, как перст, без провожатого.

□ Идёт царевич путём-дорогою несколько месяцев, и случилось ему в некое время идти чрез густой, дремучий лес. Услыхал он в

стороне большой шум, направился на тот шум с великим торопом и увидел, что дерутся промеж себя два лешие. Подошёл к ним.

– Послушайте, – спрашивает, – за что вы дерётесь? Скажите-ка мне, я вас помирю.

Отвечал ему один леший:

– Добрый человек! Рассуди, пожалуй, нашу ссору; вот посмотри, шли мы двое дорогою и нашли шляпу-невидимку, сапоги-самоходы и скатерть-самобранку: стоит только развернуть скатерть, тотчас выпрыгнут из неё двенадцать добрых молодцев да двенадцать красных девиц, принесут разных кушаньев и напитков и начнут потчевать. Из этой находки сапоги да шляпу беру я себе, а скатерть отдаю моему товарищу; а он хочет всем овладеть и для того вступил со мной в драку.

– Хорошо, – сказал Иван-царевич, – я ваше дело разберу, только дайте и мне долю.

Лешие согласились. Тогда Иван-царевич сказал им:

– Бегите по этой дороге изо всей мочи, и кто кого на трёх верстах опередит, тому и достанется вся находка.

Оба лешие с радостью побежали по указанной дороге, и скоро совсем из виду скрылись; Иван-царевич надел на себя сапоги-самоходы и шляпу-невидимку, скатерть-самобранку взял под мышку и пошёл дальше. Когда лешие воротились назад, то не нашли ни Ивана-царевича, ни своих находок и бросились искать его по лесу. Однако хотя и находили на царевича, но не могли его видеть, потому что на нём была надета шляпа-невидимка.

□Избегавши попусту весь лес, они напоследок разошлись по своим местам; а Иван-царевич шёл несколько дней и увидел: стоит на дороге малая избушка к лесу передом, а к нему задом; подошёл к ней и молвил:

– Избушка, избушка, стань к лесу задом, а ко мне обернись передом.

Вдруг избушка обернулась к лесу задом, а к нему передом. Царевич вошёл в избушку; там на полу сидела баба-яга, ноги в потолок упёрши, и пряла шерсть. Увидя Ивана-царевича, баба-яга сказала:

– Фу-фу-фу! Как доселева русского духу слыхом не слыхано, а нынче русский дух воочью совершается. Зачем ты, добрый мо́лодец Иван-царевич, сюда зашёл, волею или неволею? Я здесь живу уже сорок лет, а никакой человек мимо меня не прохаживал, не проезживал, ни зверь не прорыскивал, ни птица не пролетывала; а ты как сюда забрёл?

– Ох ты, глупая старая баба! – в ответ сказал Иван-царевич. – Ты прежде меня, доброго мо́лодца, напой-накорми, да тогда и спрашивай.

Яга-баба тотчас вскочила, собрала на стол, напоила, накормила царевича и в бане выпарила и стала опять спрашивать:

– Как ты сюда зашёл, добрый молодец, волею или неволею?

Ответ держал Иван-царевич:

– Сколько волею, а вдвое того неволею. Иду я искать моих родных сестриц Луну и Звезду; а где их сыскать – сам не ведаю.

– Добро, Иван-царевич! – молвила баба-яга. – Молись богу и ложись спать: утро вечера мудренее.

Царевич лёг спать и от дорожного труда заснул крепко. Поутру, чуть только на дворе рассветать стало, яга-баба начала его будить:

– Добрый мо́лодец! Пора тебе в путь идти.

Встал царевич, умылся, оделся, помолился, на все четыре стороны поклонился и начал с ягою прощаться. Тогда яга-баба ему сказала:

– Что ж ты, царевич, со мною прощаешься, а не спросишь, куда

тебе надобно – в какую сторонушку? Ступай-ка ты, добрый молодец, вот по этой дороженьке и увидишь в чистом поле палаты белокаменные; в тех палатах живёт твоя большая сестра Луна. Только трудно тебе взять её, потому что живёт с нею нечистый дух; приходит он в палаты медведем, а как войдёт – тотчас оборачивается человеком.

□Царевич простился с ягою, надел на себя сапоги-самоходы и пошёл в путь. На третий день увидел он в чистом поле белокаменные палаты, покрылся шляпою-невидимкою и вступил в спальню к любезной своей сестрице, прекрасной царевне Луне. В то время царевна Луна лежала на кровати и опочивала крепким сном. Царевич подошёл к кровати, начал её будить и скинул с себя шляпу-невидимку; царевна пробудилась:

– Кто ты таков и зачем сюда пришёл?

– Любезная моя сестрица, прекрасная царевна Луна! – отвечал царевич. – Я твой брат единоутробный Иван-царевич; принёс тебе челобитье от батюшки твоего царя Ахридея и от матушки твоей Дарьи: они вельми по тебе и по сестрице Звезде сокрушаются.

Прекрасная царевна Луна тотчас вскочила с постели и во слезах начала обнимать царевича; долгое время они целовались, миловались, а после того царевна сказала:

– Любезный мой братец! Я несказанно рада, что вижу тебя; но опасаюсь, чтоб не пришёл Медведь и не съел бы тебя.

– Не крушись о том, – молвил ей царевич, – я этого не боюсь!

□Скоро поднялся сильный вихрь. Тогда прекрасная царевна сказала царевичу в великом страхе:

– Любезный братец Иван-царевич! Скоро Медведь прибежит; спрячься куда-нибудь, не то съест тебя.

– Не бойся! – сказал ей царевич, потом надел на себя шляпу-невидимку и сел на стул.

Медведь вошёл в комнату и закричал человеческим голосом:

– Фу-фу-фу! Доселева русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче и здесь русским духом пахнет.

– Ах, мой свет, – сказала Луна, – тебе стыдно о том и говорить; откуда здесь быть русскому духу? Ты по Руси бегаешь и там русского духу набрался; так тебе и здесь то же чудится.

– Да не пришёл ли брат твой Иван-царевич? – спросил Медведь. – Ведь он давно уж родился.

– Я сроду брата не видела и того, есть ли у меня брат, не ведаю. А что если бы брат пришёл, ведь ты бы съел его?

– Нет, – отвечал Медведь, – я никогда того не сделаю. Ведь я знаю, что он тебе мил; а по тебе и мне мил.

– Поклянись прежде!

– Изволь, клянусь тебе, чем сама хочешь.

– Когда так, – сказала царевна Луна, – то брат мой здесь и сидит возле тебя.

– Что ты! Как же я его не вижу? – сказал Медведь, встал, ударился о сырую землю и сделался такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать, ни в сказке сказать, и молвил:

– Иван-царевич! Не прячься от меня; я для тебя не злодей, ничего тебе худого не сделаю.

□ Тут царевич скинул с себя шляпу-невидимку и показался Медведю. Медведь разговаривал с царевичем ласково, потчевал его всякими кушаньями и напитками. Иван-царевич попробовал того-другого и говорит Медведю:

– Не хочешь ли моего дорожного кушанья и моих напитков отведать?

Развернул скатерть-самобранку – и тотчас двенадцать молодцев и двенадцать девиц наставили на ту скатерть разных кушаньев и напитков и начали Ивана-царевича, царевну Луну и Медведя потчевать. Медведь удивился такому чудному делу и спрашивал у Ивана-царевича, откуда он взял такую скатерть? Он про всё ему рассказал. Вот таким-то образом жил царевич у Медведя три месяца, а потом собрался в путь и стал спрашивать про меньшую свою сестру, царевну Звезду, где она проживает.

– Она живёт не очень далеко, – сказала царевна Луна, – только, братец, не чаю, чтоб ты её увидел, потому что живёт она с Морским Чудовищем в медном замке, а вокруг того замка стоит стража великая – всё водяные черти; они тебя убьют до смерти.

– Что делать! Хоть сам помру, а сестрицу увижу.

Простился Иван-царевич с прекрасною царевною Луною и с Медведем и пошёл в путь.

□На другой день увидел он медный замок, подошёл в ворота; у ворот стоят два водяных чёрта, на плечах пушки держат, никого в замок не пропускают.

– Пропустите меня, – сказал царевич, – ведь я нарочно пришёл всех вас с караула сменить.

– Нет, брат, обманываешь! Если хочешь, полезай через каменную стену, а в ворота ходить не приказано. Да смотри, полезай осторожнее: по ту стороны стены подведены струны: если чуть-чуть до струны дотронешься, то пойдёт гром по всему замку и по морю. Морское Чудовище услышит, выйдет из моря и тебя жива не оставит!

Царевич ничего не уstraшилcя и полез в сапогах-самоходах чрез каменную стену; не задел за струны ни рукою, ни ногою, только платьем слегка зацепил – и в ту ж минуту раздался великий гром по всему замку. Царевич вошёл с топором в палаты, нашёл прекрасную царевну Звезду в постели и разбудил её от крепкого сна. Она проснулась и закричала:

– Кто ты и зачем пришёл?

– Любезная сестрица, прекрасная царевна Звезда! – отвечал царевич. – Я твой брат родной Иван-царевич, принёс тебе челобитье от батюшки твоего царя Ахридея и от матушки твоей царицы Дарьи; она вельми по тебе сокрушаются.

□ Прекрасная царевна Звезда вскочила с постели, начала его целовать, миловать и потом говорит:

– Любезный братец, спрячься куда-нибудь! Скоро придёт сюда Морское Чудовище и как тебя увидит – тотчас съест.

– Не крушись, – молвил царевич, – я не боюсь!

Надел на себя шляпу-невидимку и сел на стул. Вошёл Морское Чудовище и закричал человеческим голосом:

– Фу-фу-фу! Доселева русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче и здесь русским духом пахнет. Кто у тебя, царевна, в гостях?

– Ах, мой свет, – отвечала царевна Звезда, – кому у меня быть? Да русский и зайти сюда не может. Сам ты по Руси бегаешь, набрался там русского духу, так он тебе и здесь чудится!

– Полно, не пришёл ли брат твой Иван-царевич? Ведь он давно уж родился.

– Я сроду никакого брата не видала, и есть ли у меня брат – и того не ведаю. А что если б Ивану-царевичу случилось зайти сюда, ведь ты бы съел его?

– Нет, – отвечал Чудовище, – я никогда того не сделаю. За что я его съем? Ведь он мне ничего худого не сделал. Знаю и то, что он тебе мил; а по тебе и мне мил.

– Нет, я по тех пор не поверю, покуда ты клятвы не дашь.

– Изволь! Клянусь тебе всем, чем сама хочешь.

– Когда так, – молвила царица Звезда, – то брат мой здесь и сидит против тебя.

– Что ты врешь? – сказал Морское Чудо. – Как же я его не вижу?

– Он, право, здесь! – отвечала Звезда.

Тогда Чудовище ударился о сырую землю и стал такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать, ни в сказке сказать, и закричал:

– Иван-царевич, не прячься! Я тебе не злодей, ничего худого не сделаю и завсегда рад тебя гостем видеть.

□Царевич скинул с себя шляпу-невидимку и показался Чудовищу. Чудовище разговаривал с ним ласково, потчевал всякими питьями и кушаньями. Царевич попробовал того-другого и говорит Чудовищу:

– Не хочешь ли ты моего дорожного кушанья и моих напитков отведать?

Развернул скатерть-самобранку – и тотчас двенадцать молодцев и двенадцать девиц наставили на ту скатерть разных кушаньев и напитков и начали Ивана-царевича, царицу Звезду и Морское Чудо потчевать. Чудо подивился той скатерти, и спрашивал у Ивана-царевича, где он взял её. Иван-царевич обо всём ему рассказал, и когда они напились и наелись, то царевич свернул свою скатерть, и стали они веселиться, всякими забавами потешаться. Прожил царевич у меньшей сестры своей близ года. Когда Чудовища не было дома, стал он говорить царице Звезде, чтоб она ушла с ним к отцу к матери.

– Что ты, братец! – отвечала она, – Морское Чудо нагонит нас, лютой смерти предаст.

– Как же мне тебя и сестру нашу выручить?

– Ежели хочешь меня и сестру нашу выручить, то ступай за тридевять земель, в тридесятое государство. Там есть широкая

река, через реку калиновый мост, под тем мостом живёт двенадцатиглавый змей; не пропускает он ни конного, ни пешего, всех пожирает. Кому удастся убить двенадцатиглавого змея, за того Царь-девица замуж выйдет; а с её помощью можно и меня и сестру выручить.

Царевич выслушал эти речи, простился с сестрою и пошёл за тридевять земель.

□Он надел сапоги-самоходы и в три дня поспел к калиновому мосту. Зашёл в кузницу и велел сковать себе меч-кладенец и палицу боевую в сорок пуд; кузнецы сковали ему и меч и палицу. Царевич заплатил за работу и пошёл к мосту со змеем биться. Змей тотчас выбежал, бросился на царевича – хочет совсем проглотить его; но царевич приостерёгся, махнул палицей и за один раз отсёк змею три головы. Змей опять на него бросился, царевич вторично ударил его палицею и сшиб шесть голов. Тут змей испустил из себя пламя огненное – хочет сжечь царевича; царевич быстро увернулся, ударил змея мечом и рассёк его надвое, потом наклак костёр дров, зажёг и положил все змеиные головы и туловище на огонь, а сам пошёл через мост на другую сторону.

□Видит он – вылетело из градских ворот двенадцать голубиц; прилетели они к калиновому мосту, ударились о сырую землю и сделались красными девицами. Разделись красные девицы донага и стали купаться; а царевич надел шляпу-невидимку, любуется на их красоту и ждёт, что после будет. Девицы выкупались и оделись; Иван-царевич скинул с себя шляпу, подошёл к ним, поклонился и сказал:

– Честные дёвицы, скажите мне, кто этим царством владеет?

– Этим царством владеет прекрасная Царь-девица; а ты, добрый мо́лодец, как сюда зашёл?

– Я пришёл чрез калиновый мост, – отвечал царевич, – и по ту сторону убил змея о двенадцати головах.

Только выговорил он эти слова, как двенадцать девиц подхватили его под руки и сказали:

– Если ты убил двенадцатиглавого змея, то должен быть нашим государем! – и повели его к Царь-девице.

Царь-девица вышла встречать царевича, принимала его за белые руки, сажала за столы дубовые, за скатерти браные и разговаривала любовно; в тот же день царевич на ней и женился.

□Прошло несколько дней после свадьбы, начал царевич просить свою супругу, чтоб освободила его сестёр, царевен Луну и Звезду. Царь-девица закричала громким голосом:

– Приведите ко мне проклятого духа, что сидит в тёмном погребе.

Приводят к ней того заключенника – ростом превеликий, собой страшный! Говорит ему Царь-девица:

– Достань и принеси сюда царевну Луну да царевну Звезду; если сослужишь мне эту службу – на волю тебя выпущу, а не сослужишь – навек тебя заключу в тёмном погребе.

Проклятый дух тотчас помчался буйным вихрем и в скором времени принёс обеих царевен; Царь-девица отпустила его на волю, царевну Луну и царевну Звезду отправила к отцу, к матери, а сама стала жить с Иваном-царевичем в любви и совете.

(Голосов: **1**. Рейтинг: **5,00** из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Сказка о семи Семионах

Был-жил старик со старухой, и жили они несколько лет, а детей у них не было, и уже к великой старости приходили, как начали молить бога, чтоб даровал им детище, которое б было в старости их помощью в работе. И молятся они год, другой, молятся третий и четвёртый, молятся пятый и шестой, а не вымолят ни единого детища; однако через семь лет старуха понесла и после родила вдруг семь сынов, которых всех называли Семионами. И когда старик со старухой умерли, то остались Семионы сиротами, и были они тогда все по десятому году, и пахали своё поле уже сами, и не уступали своим соседям. В некое время случилось мимо той деревни ехать царю Адору, который был самодержавец всей той области, и увидел работающих на поле семь Семионов. Он весьма удивился, что такие малые ребята – и пахут и боронят свою пашню, чего ради и послал к ним старшего своего боярина, чтоб спросить, чьи они дети? Боярин, пришедши к Семионам, спрашивал: для чего они, такие малые ребята, работают такую тяжёлую работу? На то ему ответ держал старший Семион, что они сироты и что за них работать некому, и притом сказал, что всех

их зовут Семионами. Боярин пошёл от них и сказал о том царю Адору, который весьма удивился, что столько ребят-братьев называются одним именем, – для чего и послал к ним того ж боярина, чтоб их взять с собою во дворец. Боярин государев приказ исполнил и взял всех Семионов с собою. Когда царь приехал во дворец, тогда собрал он к себе всех своих бояр и думных дьяков и спрашивал у них совет таковыми словесами:

– Господа мои бояра и думные дьяки! Вы видите сих семь сирот, которые не имеют у себя никаких родственников; я хочу сделать их такими людьми, чтоб после они меня благодарили, для чего и требую у вас совета: в какую науку или художество мне их отдать должно учиться?

На сие отвечали все так:

– Милостивейший государь! Как теперь они уже на возрасте и в разуме, то не рассудите ли за благо спросить их каждого особливо, кто в какую науку или художество пожелает пуститься.

□Царь принял сей совет с радостию и начал большего Семиона спрашивать:

– Слушай, друг мой, в какую науку или художество пуститься желаешь, то в такую я тебя и учиться отдам.

Семион на то ему отвечал:

– Ваше царское величество! Я ни в какую науку, ни в художество пуститься не желаю; а ежели бы вы приказали посреди вашего царского двора построить кузницу, то сковал бы я вам столб до самого неба.

Царь увидел, что этого Семиона учить не для чего, потому что он и так уже кузнечное ремесло довольно искусно знает; однако не верил, чтоб он мог сковать столб до самого неба, и потому приказал в скором времени посреди своего царского двора построить кузницу. Потом спрашивал другого Семиона:

– А ты, мой друг, какой науке или художеству учиться желаешь,

в такую я тебя и отдам.

На сие Семион ему сказал:

– Ваше величество! Я ни в какую науку, ни в художество пуститься не хочу; а ежели большой мой брат скует железный столб до неба, то я по тому столбу взлезу на самый верх и стану смотреть во все государства и буду тебе сказывать, что в котором государстве делается.

Царь рассудил, что и того Семиона учить не надобно, потому что он и так мудрён. После спрашивал третьего Семиона:

– Ты, мой друг, какой науке или художеству учиться желаешь?

Семион на то ему сказал:

– Ваше величество! Я никакой науке, ни художеству учиться не хочу; а ежели бы мой большой брат сковал мне топор, я тем топором тяп да ляп – тотчас бы сделал корабль.

Король на то ему сказал:

– Мне корабельные мастера надобны, и тебя ничему иному учить уже больше не должно.

Потом спросил он четвёртого Семиона:

– Ты, Семион, какой науке или художеству учиться желаешь?

– Ваше величество! – сказал он на то ему. – Я никакой науке учиться не желаю, а ежели бы мой третий брат сделал корабль и когда бы тому кораблю случилось быть в море и напал бы на него неприятель, то б я взял корабль за нос и повёл бы его в подземельное государство, и когда бы неприятель ушёл прочь, то тогда б я опять корабль вывел на́море.

Царь удивился таким великим четвёртого Семиона чудесам и сказал ему:

– И тебя учить не надобно!

Потом спросил пятого Семиона:

– А ты, Семион, какой науке или художеству учиться желаешь?

– Я ничему учиться не желаю, ваше величество! – сказал Семион.

– А ежели большой мой брат скуёт мне ружьё, то я тем ружьём, ежели увижу птицу – хотя за сто вёрст, то её подстрелю.

– Ну, так ты исправный будешь у меня стрелец! – сказал ему царь.

После спросил шестого Семиона:

– Ты, Семион, в какую науку вступить желаешь?

– Ваше величество! – сказал ему Семион. – Я ни в какую науку, ни в художество вступить не желаю, а ежели мой пятый брат подстрелит птицу на лету, то я её до земли не допущу и, подхватя, принесу к тебе.

– Великий искусник! – сказал ему царь. – Ты у меня вместо легавой собаки в поле можешь служить.

После спросил царь последнего Семиона:

– А ты, Семион, какой науке или художеству учиться желаешь?

– Ваше величество! – отвечал он ему. – Я никаким наукам, ни художествам учиться не желаю, потому что я и так ремесло имею предорогое!

– Да какое ж ты имеешь ремесло? – спросил его царь. – Скажи мне, пожалуй!

– Я хорошо умею воровать, – сказал ему Семион, – и так, что никто против меня не сворует.

Царь весьма осердился, услыша о таком дурном его ремесле, и говорил потом к своим боярам и думным дьякам:

– Господа мои! Чем присоветуете мне наказать сего вора

Семиона, и скажите, какую казнию казнить его должно?

– Ваше величество! – сказали ему все они. – На что его казнить? Может быть, он вор с именем, и такой, который в случае будет надобен.

– Да почему это? – спросил царь.

– А вот потому, что ваше величество уже десятый год как достаёте себе в супруги царевну Елену Прекрасную, а достать не можете, и притом много силы и войска потеряли и множество казны и прочего издержали; и этот Семион-вор, может быть, царевну Елену Прекрасную вашему величеству как-нибудь украдёт.

Царь на то им сказал:

– Друзья мои, вы правду мне говорите!

Потом обернулся он к Семиону-вору и сказал ему:

– Что, Семион, можешь ли ты съездить за тридевять земель в тридесятое государство и украсть мне царевну Елену Прекрасную, а я в неё весьма крепко влюблён; и ежели ты мне её украдёшь, то я тебе сделаю великое награждение.

– Это наше дело, ваше величество, – отвечал седьмой Семион, – и я вам её, ежели только прикажете, украду.

– Не только чтобы тебе приказывать, – сказал ему царь, – но я ещё о том и прошу; и теперь не медли больше при дворе моём и бери себе силы-войска и золотой казны, сколько тебе надобно.

– Мне ни силы, ни войска, ни золотой казны не надобно, – отвечал он. – Отпусти нас всех братьев вместе, и я тебе царевну Елену Прекрасную достану.

□Царю не хотелось со всеми Семионами расстаться, однако, хотя то и жалко ему было, но принуждён был отпустить их всех вместе. Между тем кузница на царском дворе была устроена, и большой Семион сковал железный столб до самого неба, а другой

Семион взлез по тому столбу на самый верх и смотрел в ту сторону, где было государство отца царевны Елены Прекрасной, и после закричал он с вершины столба царю Адору:

– Ваше величество! Вижу, за тридевять земель в тридесятом государстве царевна Елена Прекрасная сидит под окошечком, и у ней из косточки в косточку мозжечок переливается.

Тогда царь ещё больше красотой её прельстился и потом вскрикнул к Семионам громким голосом:

– Друзья мои, отправьтесь в путь как можно скорее, ибо я не могу жить без прекрасной царевны Елены!

Почему большой Семион сковал третьему Семиону топор, а пятому сделал ружьё; и после того взяли с собою несколько хлеба на дорогу, а Семион-вор взял с собою кошку, и потом пошли в путь свой. Кошку ту Семион-вор так к себе приучил, что она везде за ним бегала, как собака, и ежели он останавливался на дороге или в ином каком месте, то кошка становилась на задние лапы, а потом тёрлась около него и мурлыкала. И так шли они путём-дорогою несколько времени и, наконец, пришли к морю, чрез которое надо было им переехать, а не на чем. Они ходили долго по морскому берегу и искали какого-нибудь дерева, чтоб сделать себе судно, и после нашли один дуб превеликий. Третий Семион взял свой топор и срубил тот дуб по самый корень, а потом по нём же тям да ляп – сделал тотчас корабль, который был оснащён, а в корабле очутились разные дорогие товары. Все Семионы сели на тот корабль и поплыли в путь и чрез несколько месяцев прибыли благополучно в то место, в которое им надобно было. Как скоро въехали они в корабельную пристань, то тотчас бросили якорь.

□На другой день Семион-вор взял свою кошку, и пошёл в город, и пришедши к царскому двору, остановился против окон царевны Елены Прекрасной; в то ж самое время кошка села на задние лапы, а потом начала тереться и мурлыкать. Надобно знать, что в том государстве совсем не знали и не слыхали, что́ есть за

зверь кошка. Царевна Елена Прекрасная в то самое время сидела под окошечком и, увидя кошку, тотчас послала своих нянюшек и мамушек, чтоб спросить у Семиона, что то был за зверёк, не продаст ли он его, и ежели продаст, то какую за него просит цену? Нянюшки и мамушки тотчас выбежали на улицу и спрашивали Семиона: какой это у него зверёк и не продаст ли его? Семион на то им отвечал:

– Государыни мои, извольте доложить её высочеству Елене Прекрасной, что этот зверёк называется кошкою и что я его не продаю, а ежели она пожелает этого зверька иметь у себя, то оною дарю ей без всякой платы.

Нянюшки и мамушки тотчас побежали в палаты и донесли о том ей, что от Семиона слышали. Царевна же Елена Прекрасная обрадовалась чрезвычайно, и выбежала сама из палат, и спрашивала Семиона: не продаст ли кошки? Семион ей сказал:

– Ваше высочество! Я сей кошки не продаю; а если она вам угодна, то вам её дарю.

Царевна, взяв кошку к себе на руки, пошла в палаты, а Семиону приказала идти за собою. Когда они пришли в палаты, царевна пошла к своему батюшке царю Саргу, и показала ему кошку, и объявила, что ей подарил некий чужестранец. Царь, увидя такого чудного зверька, весьма обрадовался и приказал призвать к себе Семиона-вора, и когда он к нему пришёл, то царь хотел его наградить казною за кошку, но как Семион не хотел принять от него, то сказал ему:

– Друг мой! Живи покуда в моём доме, и между тем временем кошка при тебе лучше может привыкнуть к моей дочери.

На сие Семион также не согласился и сказал царю:

– Ваше величество! Я бы с радостью великою мог жить в вашем доме, когда бы не было у меня корабля, на котором я в ваше государство приехал и который препоручить мне некому; а ежели прикажете мне, то я буду ходить к вашему величеству всякий

день и стану кошку приучать к вашей любезной дочери.

Итак, царь приказал Семиону, чтоб ходил он к нему всякий день. Семион начал ходить к царевне Елене Прекрасной, и в некоторый день он ей сказал:

– Милостивая государыня! Я уже давно к вам хожу, а вижу, что вы никуда прогуливаться не изволите; хотя бы ко мне на корабль пожаловали; я бы показал вам такие дорогие парчи, которых вы никогда ещё не видывали.

Царевна тотчас пошла к своему батюшке и начала проситься погулять на корабельную пристань. Царь её отпустил и сказал, чтоб она взяла с собою нянюшек и мамушек, и пошла с Семионом.

□Как скоро пришли они на корабельную пристань, то тотчас Семион просил царевну на свой корабль, и когда она на оный вошла, то Семион-вор и прочие его братья начали царевне показывать разные дорогие парчи. После того Семион-вор сказал Елене Прекрасной:

– Ваше высочество! Теперь извольте приказать своим нянюшкам и мамушкам сойти с моего корабля, потому что я хочу вам показать такие дорогие товары, которых не должны они видеть.

Царевна тотчас приказала своим нянюшкам и мамушкам сойти с корабля, и как скоро они сошли, то в то же самое время Семион-вор велел тихонько своим братьям отрубить якорь и пуститься в море на всех парусах; а сам между тем начал царевне показывать дорогие товары, из которых и подарил её некоторыми. Прошло уже часа с два времени, как он показывал царевне свои товары; наконец она ему сказала, что ей время уже и домой идти, потому что царь, её отец, будет дожидаться её обедать. Потом вышла она из каюты и видит, что корабль на ходу и что берегов уже не видно. Тогда она ударила себя в грудь и вдруг оборотилась лебедем и полетела. Пятый Семион взял тотчас своё ружьё и подстрелил лебедя, а шестой Семион и до воды её не допустил и принёс её опять на корабль, где царевна стала по-прежнему девицею. Нянюшки же и мамушки, которые стояли на корабельной

пристани, увидя, что корабль отвалил от берега с царевною, тотчас бросились все к царю и пересказали ему о том Семионовом обмане. Царь тогда ж нарядил целый флот за ними в погоню, и когда тот флот начал нагонять Семионов корабль гораздо близко, тогда четвёртый Семион взял свой корабль за нос и увёл его в подземельное государство. Когда же корабля совсем стало не видимо, то начальники флота, увидя, как он ушёл на дно, думали, что корабль потонул и с царевною Еленю Прекрасною, почему и возвратились назад и донесли царю Саргу, что Семионов корабль и с Еленю Прекрасною потонул. Семионы же благополучно в своё государство прибыли, вручили царевну Елену Прекрасную царю Адору, который за такую великую Семионов услугу отпустил их всех на волю и дал им довольно злата, и серебра, и драгоценного камня, а сам женился на Прекрасной Елене и жил с нею многие лета благополучно и мирно.

(Голосов: **1**. Рейтинг: **5,00** из 5)

Загрузка...